

Оба внезапно замолчали, заметив, что Бессмертный с Восточного Острова неизвестно когда появился позади них. Опираясь на бамбуковый зонт, он с улыбкой произнес:

— Шо Эр сказал, что он уже почти закончил класть поклоны, так что с остальными можно не усердствовать, проходите со мной в дом.

Оба переоделись в сухую одежду, после чего Шо Эр заставил каждого выпить по чашке имбирного отвара, и им сразу стало намного легче.

Лоб Лань Чжуй был красным и опухшим, кожа содрана, но благодаря вовремя нанесенной мази до заражения дело не дошло. Фан Юньсюань оказался не столь везуч: и без того слабое тело после ночных потрясений и проливного дождя сдало, поднялась небольшая температура.

Бессмертный с Восточного Острова уложил его отдохнуть на кровать, дал лекарство, а затем достал пачку длинных с иголку серебряных игл, чтобы проверить его на яд.

Шо Эр стоял рядом и помогал. Парнишка на самом деле был неплохим, просто отличался вспыльчивым нравом и ядовитым языком.

— Ого! Что это за яд? Никогда такого не видел, его вообще можно вылечить?

Лань Чжуй не удержался и бросил на него сердитый взгляд. Его и без того тревожно бьющееся сердце от этих слов затрепетало еще сильнее.

Бессмертный с Восточного Острова слегка повернулся и спокойным голосом произнес:

— Я тебя еще не наказывал. Как только дождь прекратится, ступай на улице и сделай две тысячи поклонов.

Фан Юньсюань закрыл глаза, но оставался в сознании. Услышав это, он невольно фыркнул и рассмеялся.

Лицо Шо Эра пошло пятнами, то бледнея, то краснея, но он все же покорно кивнул в знак согласия.

Бессмертный с Восточного Острова подошел к столу с испачканными в яду серебряными иглами, разложил их и вздохнул:

— Старик полагает, что молодой господин Фан принял какое-то пилюли для усиления внутренней энергии?

Фан Юньсюань кивнул, проникшись к старику еще большим уважением.

— Те, кто практикует боевые искусства, вечно норовят проглотить какую-нибудь дрянь ради прибавки к силе, но перед приемом они всегда заранее принимают травяные ванны, чтобы лекарство не вступило в конфликт с телом и не превратилось в смертельный яд.

— У старшего есть способ исцелить этот яд?

— Для противоядия требуется лекарственное сырье, но многие из травяных компонентов, содержащихся в его теле, — бесценные сокровища, которые днем с огнем не сыщешь.

Это, без сомнения, был удар. Лань Чжуй исходил вдоль и поперек весь Цзянху, но не нашел

никого, кто смог бы помочь. Единственной надеждой оставался этот Царь Медицины, но кто бы знал, что он даст точно такой же ответ.

— Неужели... совсем нет выхода?

— Выход есть, только молодой господин Фан вряд ли захочет его испробовать.

Бессмертный с Восточного Острова погладил бороду и опустил на стул.

Фан Юньсюань приподнялся на кровати:

— Опыянение Бессмертного?

— Верно, — кивнул Бессмертный с Восточного Острова. — Для тех, кто практикует боевые искусства, это яд. При длительном употреблении он полностью пожирает внутреннюю энергию, и даже обладатель непревзойденных боевых навыков в конце концов превратится в калеку. Но только эта вещь способна исцелить твой яд.

Фан Юньсюань опустил голову и промолчал.

Лань Чжуй много лет странствовал по Цзяньху и, конечно, был наслышан об этой штуке:

— Но я слышал, что оно растет в глубоко сокрытых местах, и найти его не так-то просто.

— Разве это не воля небещ? — внезапно подняв голову, произнес Фан Юньсюань.

Лань Чжуй заглянул ему в глаза, и та крошечная искра надежды, что еще теплилась внутри, окончательно потухла.

— Раз так, не будем терять время, давайте скорее отправимся на поиски Цюй Чэня.

Бессмертный с Восточного Острова порылся в шкатулке и извлек оттуда маленький пузырек с лекарством:

— Здесь приготовленные стариком пилюли продления жизни, они облегчат страдания, когда яд начнет действовать. Что же касается Опыянения Бессмертного, я тоже буду иметь его в виду для тебя.

— Спасибо.

Фан Юньсюань принял флакон, и на душе у него все перевернулось.

Бессмертный с Восточного Острова сунул Лань Чжую в руку карту:

— Следуйте этим маршрутом, и очень скороберетесь до выхода из долины.

Прощавшись с Бессмертным с Восточного Острова, они молча тронулись в путь. Всю дорогу никто не произнес ни слова: полная надежды дорога в этот момент растеряла все силы.

Судя по карте, они действительно быстро миновали каменный лабиринт. Путь занял вторую половину ночи, и путники решили заночевать в постоялом дворе у подножия горы, чтобы наутро забрать лошадей.

Хотя постоялый двор был маленьким, дела у него шли неплохо — в наличии осталась всего

одна свободная комната.

Хотя на кровати вполне можно было уместиться вдвоем, лежа спина к спине, они, измученные и душой и телом, никак не могли уснуть. Широко раскрытые глаза смотрели в темноту, каждый был погружен в собственные тяжелые мысли.

Фан Юньсюань перевернулся и заметил, что Лань Чжуй смотрит прямо на него. Яркие глаза сверкали в темноте, а затем Лань Чжуй подался вперед, протянул руки, притянул его к себе и, уткнувшись носом в его шею, долго-долго жадно втягивал воздух, не желая отпустить.

Фан Юньсюань тоже обнял его в ответ, нежно глядя пряди волос на затылке, и в очередной раз отчетливо понял, что безумно любит этого мужчину.

Подобно дурманящему благовонию, влекущему и опьяняющему, он прекрасно знал о запрете, но все равно не мог удержаться от броска вперед, а получив желаемое, уже никогда не захотел бы отпустить. В темноте он на ощупь нашел это тепло и ответил на мягкий поцелуй. Немного робко и осторожно, страшась, что стоит на мгновение отвлечься — и человек перед ним исчезнет.

Огонь страсти пожаром вспыхнул по всему телу. Тяжело дыша, Фан Юньсюань взлобзался на него и, словно иссохший по долгому голоду волк, сорвал одежду с его груди, оставляя повсюду россыпи звездных поцелуев, пока его ослабевшие руки судорожно шарили вниз. — Нет... — Лань Чжуй придержал его, тяжело дыша. — Твое тело этого не вынесет.

Фан Юньсюань не обратил на него внимания, продолжая исступленно целовать его грудь. Его руки с силой стянули мешавшую одежду, разжигая пламя желания всё сильнее.

— Юньсюань! — выдохнул Лань Чжуй. Его разум постепенно таял под натиском страсти, он едва мог сдерживаться.

Человек сверху внезапно всем телом навалился на него, прижавшись твердым, полным желания естеством к его крепким бедрам.

— Я хочу тебя, — голос Фан Юньсюаня звучал лениво. — Помоги мне раздеться, у меня совсем нет сил.

— Но...

Фан Юньсюань поднял руку, закрыв ему рот:

— Ты помнишь, когда в последний раз держал меня в объятиях?

Прошло так много времени. Слишком много. Стоило этому человеку лечь рядом, как всё тело начинало гореть, словно охваченное огнем.

Лань Чжуй осторожно прижал его к себе и медленно принялся снимать с него одежду. Его

дыхание сбивалось с каждым движением. Кожа, открывающаяся взгляду по кусочку, всегда вызывала у него желание касаться её бесконечно.

— Ты порвал с людьми из праведных сект, и теперь тебе будет трудно остаться в мире боевых искусств. Когда-нибудь, когда меня не станет, вернись во дворец. Этот мир суеты всё равно не для тебя.

Лань Чжуй поднял голову от его груди, нахмурившись:

— Почему ты снова говоришь об этом?

— Я знаю состояние своего тела. Времени осталось мало, и я должен позаботиться о том, чтобы всё было устроено должным образом.

— Я не вернусь во дворец и никуда не уйду. Я дал слово и сдержу его. Чего бояться смерти? Я умру вместе с тобой.

Фан Юньсюань поднял руку, прикрывая глаза, и внезапно рассмеялся, хотя голос его чуть дрожал:

— И правда, ты такой глупый.

Лань Чжуй прильнул к нему, убрал его руку и поцеловал в уголок влажных глаз:

— Юньсюань, я еще не потерял надежду. И ты не сдавайся так рано. Пока ты жив, всегда есть надежда!

Страстные поцелуи ложились на каждый уголок его лица. Лань Чжуй обращался с ним как с величайшей драгоценностью, и пыл его не остывал ни на йоту от прохладного ветра, дувшего из окна. Он бережно приподнял его ноги и соединился с ним, вглядываясь в каждое выражение его лица, боясь причинить хоть малейшую боль.

Разбросанные волосы развевались в ночном воздухе. Первобытный ритм, безумная погоня. Никто не хотел останавливаться, никто не хотел сдаваться первым. Сквозь боль и любовь они оставляли друг на друге свои метки — яростно, но нежно.

В этот миг никого не волновало завтра. Беспокойство о жизни и смерти — пусть этим озаботится кто-то другой.

Сейчас в их глазах отражались только они сами.

Искра любви никогда не угасала.

Горные пейзажи вдоль почтового тракта были прекрасны, но двое путников, спешивших по своим делам, не имели желания ими любоваться.

Лекарство, данное Бессмертным с Восточного Острова, принесло определенную пользу: хоть оно и не могло вылечить недуг полностью, но всё же с трудом сдерживало приступы яда.

Не прошло и двух дней после выхода из долины, как они получили весточку от почтового голубя с красным хохолком, выращенного в Западных Регионах. Лань Чжуй с большим интересом разглядывал белоснежную птичку с ярко-красной макушкой и не хотел отпускать её даже после того, как снял записку с лапки.

— В чем дело? — птичка вспорхнула крыльями и вырвалась из цепких рук. Лань Чжуй оставалось лишь с досадой обернуться и спросить Фан Юньсюаня, который как раз читал послание.

— Нашли след Цюй Чэня, — Фан Юньсюань вложил записку ему в руку и сел за стол, взяв чашку чая.

— Срочно вернуться? Вернуться куда? — Лань Чжуй опустил взгляд на бумагу.

— В отделение Культа Линъинь в Чжунъюане. Это недалеко отсюда. Все воины, прибывшие из Западных Регионов, собрались там.

— Я давно хотел спросить: почему твои подчиненные приходят в Чжунъюань?

— Не я их позвал, — Фан Юньсюань вздохнул. — Вражда между нашими народами длится уже несколько поколений. Боевые искусства Чжунъюаня считают, что мы злоупотребляем магией гу, а наши приемы ядовиты и порочны, поэтому нас презирают так называемые праведные школы.

Когда моя мать вышла замуж за отца, это вызвало огромный скандал в мире боевых искусств. Мать назначила четырех жрецов, чтобы те следили за внутренними делами и сдерживали друг друга, строго приказав народу больше не ступать на земли Чжунъюаня. Поэтому, пока отец и мать были живы, всё оставалось спокойно.

После смерти матери старейшины не пожелали смириться и поклялись отомстить, утопив Чжунъюань в крови. Я не хотел причинять вред невинным, поэтому заключил с ними договор: если люди не трогают нас, мы не трогаем их; если же кто-то посягнет на нас, мы ответим десятикратно!

Лань Чжуй усмехнулся:

— Значит, они пришли помочь тебе?

— Чу Цзю — самый любимый ученик моего наставника, а имя Тун Тяньцзы в Западных Регионах значит очень многое. Разумеется, они не собираются отступить так просто.

Они оба услышали шум за окном. Переглянувшись, Лань Чжуй схватил лежавший на столе Клинок Разрывающего Пустоту и бросился во внутренний двор.

— Стоять! Кто здесь?

Человек не стал убегать, а медленно обернулся. Его заурядное лицо расплылось в ухмылке, обнажив полные гнилых зубов десны. Из тени вокруг них одна за другой начали появляться фигуры, с недобрыми намерениями окружая обоих. Фан Юньсюань бросил беглый взгляд и холодно усмехнулся:

— Я-то думал, что за дикие псы на дороге, а это даже до собак не дотягивает — бродячие призраки да неприкаянные души. В мире боевых искусств всегда находились приверженцы еретических и зловещих путей, любившие исподтишка наносить коварные удары. Большинство из них вербовали в Убийцы, но люди праведного пути их не признавали, из-за чего тем было трудно закрепиться как среди честных людей, так и в преступном мире.

Расположенные в Цзянси Убийцы славились бесчисленными мастерами боевых искусств, промышлявшими заказными убийствами за деньги — все до единого были отъявленными головорезами.

Старик с жёлтыми редкими зубами не только не рассердился, но даже рассмеялся:

— Что сам великий глава культа знает ничтожного меня — поистине великая честь для этого старика. Цзянси испокон веков была краем отчаянных сорвиголов, но мы с главой культа прежде не враждовали, да и никто не нанимал нас убивать вас, так что причинять вам вред я не намерен. Мои братья просто хотят позаимствовать у великого героя Лань Клинок Разрывающего Пустоту. Как только вещь окажется у нас, мы, разумеется, перестанем доставлять хлопоты.

Лань Чжуй остолбенел: он никак не ожидал, что целью этих людей является он сам.

— Ха-ха, под стать выходцам из Убийц! Посмели посягнуть даже на вещь тринадцатого императорского принца.

Старик снова рассмеялся:

— Нынче во всей боевой среде только и говорят, что о соединении парных клинков Разрывающего Пустоту и Цаньян, которое дарует непревзойденное боевое искусство. Когда придет этот день, можно будет объединить Поднебесную и повелевать всеми героями! Что тогда значит прогневать императорский род?

Взгляд Лань Чжуя похолодел, и меч со звоном вылетел из ножен.

— Какая наглая дерзость! Разрывающее Пустоту здесь — если хватит силёнок, приходите и забирайте!

Те люди привыкли жить с ножом у горла, ни во что не ставят известное в цзянху имя Лань Чжуя и не чураются нападать толпой на одного. Вся шайка с возбужденными криками бросилась вперед.

Фан Юньсюань только сделал шаг вперед, готовясь принять бой, как Лань Чжуй оттолкнул его за спину, наотрез отказываясь позволить врагам даже коснуться того.

У таверны «Дымный Дождь» бушевали потоки ци меча: звон скрестившихся клинков, глухие удары железных ладоней, крошащих камни, в мгновение ока взбудоражили некогда тихий уединенный городок.

Сражаясь в одиночку против множества противников, Лань Чжуй держался спокойно и уверенно, не позволяя врагам взять верх. Обагрённый кровью меч пронзил горло неприятеля, левая рука вцепилась в шею другого — раздался двойной хруст ломающихся костей, и мерзкая кровь брызнула ему прямо в лицо.

Не прошло и четверти часа, как враги попадали на землю. В тот момент, когда они рухнули, вокруг воцарилась мертвая тишина.

Лань Чжуй слегка тяжело дышал, а острие его клинка упиралось в шею старика с желтыми зубами. Кровь с губ Лань Чжуя непрерывно капала вниз, но он продолжал судорожно и беспрерывно улыбаться.

Помолчав немного, Лань Чжуй убрал меч в ножны.

— Больше не попадайтесь мне на глаза.

Старик перевернулся, зажал руками грудь и приподнялся с земли.

— Теперь все в цзянху жаждут заполучить Клинок Разрывающего Пустоту. Те, кто прежде почитал тебя и преклонялся перед тобой, при малейшем разногласии становятся заклятыми врагами. Что за цзянху, что за боевой мир, какое праведное и неправедное... Ха-ха-ха... Тьфу!

Из его горла вырвалась череда странных хриплых смешков, после чего изо рта хлынул обильный поток крови, и он рухнул на землю, испустив дух.

Фан Юньсюань опустил перед ним на корточки и проверил дыхание.

— Люди из Убийц привыкли прятать яд за щекой. Если дело сорвалось, они проглатывают его и кончают с собой.

Лань Чжуй внезапно подошел сзади, притянул его к себе в объятия и пробормотал:

— Он прав. Что за боевой мир — соперничество и драки ради личной выгоды? Все носят маски: на людях одно, а за спиной каждый норовит воткнуть тебе нож в спину.

— С меня хватит их показушного лицемерия. Юньсюань, давай ты больше не будешь соперничать с ними, ладно? Давай найдем тихое местечко, уйдем в затворничество и будем жить своей собственной жизнью.

Фан Юньсюань мягко оттолкнул его, вытащил из-за пазухи шелковый платок и стер кровь с его лица.

— Я ведь говорил тебе: дорога цзянху тебе не подходит. Бросил беззаботную жизнь во дворецких покоев — зачем тебя понесло сюда?

Лань Чжуй криво усмехнулся:

— Наверное, самой судьбой было предназначено отыскать тебя.

Фан Юньсюань легко улыбнулся и окинул взглядом лежавшие на земле тела:

— Похоже, спокойно поспать сегодня не удастся. Давай приведем всё в порядок и немедленно в путь.

Лань Чжуй кивнул и последовал за ним в дом собирать узлы. Звуки недавней яростной схватки наверняка потревожили остальных, и оставаться здесь дольше — значит навлечь на себя беду.

В спешке выведя коней из конюшни, они пустились в дорогу. Той ночью небо было усыпано звездами, слабо освещавшими землю. Лошади галопом мчались по лесной тропе, а рядом находился любимый человек — от этого на душе было даже как-то легко и радостно.

Промчавшись верхом всю ночь, они добрались до крупного города лишь на рассвете, когда небо только-только серело. Внутри царила тишина, жители еще спали сладким сном, и стук быстрых конских копыт разносился особенно громко.

Фан Юньсюань замедлил шаг коня, остановился перед воротами большого поместья и принялся стучать. Вскоре кто-то отозвался, бормоча себе под нос с крайним раздражением:

— Иду, иду! Чего стучать спозаранку!

Увидев Фан Юньсюаня, тот человек сперва опешил, его лицо мгновенно переменилось, и он в ужасе и трепете торопливо согнулся в поклоне:

— Гл... гла...

— Закрой рот! Чего раскричался? — Фан Юньсюань с бесстрастным лицом направился внутрь.
— Я пойду отдохнуть, а когда остальные проснутся, пусть ждут меня в главном зале.

— Слушаю, слушаю! — слуга поспешно подбежал, заискивающе улыбаясь. — Ваши комнаты уже убраны, приготовить ли комнату для этого господина?

— Не нужно. — Фан Юньсюань остановился и взглянул на Лань Чжуй. — Он будет спать со мной.

Слуга замер на месте, во все глаза глядя, как двое мужчин направляются в одну комнату.

Покои Фан Юньсюаня были оформлены просто и изысканно, без лишних украшений, в воздухе витал тонкий аромат благовоний.

Он действительно устал: стоило ему лечь, как он тут же провалился в сон, в то время как Лань Чжуй лежал на боку, подперев голову рукой, и смотрел на безмятежное лицо с припухлостями, чувствуя, что сон идет от него прочь.

В последние дни, после приема лекарства от Бессмертного с Восточного Острова, состояние Фан Юньсюаня и впрямь улучшилось по сравнению с прошлым, но камень с души Лань Чжуй так и не упал. Он день и ночь опасался, что яд в теле Юньсюаня не выведен, что в один прекрасный миг тот внезапно перестанет держаться на ногах или вот так тихо и незаметно уйдет от него во сне.

Коснувшись его осунувшегося лица, Лань Чжуй медленно наклонился и нежно поцеловал его закрытые глаза, а его собственное сердце сжалось от боли. Если бы только можно было, он отдал бы все на свете, чтобы самому перенести эти страдания и эту муку.

Фан Юньсюань дышал ровно и спал очень крепко — казалось, он обретал душевный покой только тогда, когда Лань Чжуй находился рядом.

Они поднялись с постели лишь ближе к полудню. Приведя себя в порядок и перекусив тем, что принесли слуги, Фан Юньсюань повел Лань Чжуй в главный зал.

— Я думал, ваше ответвление скрыто где-то в глуши, а оно оказалось в самом оживленном торговом районе.

— На бумаге это поместье принадлежит зажиточному богачу, а сзади есть тропинка, ведущая прямо к государственному тракту, так что посторонние ничего не заметят.

Обойдя небольшой садик и выйдя во двор, они увидели, что перед главным залом уже толпится множество людей. Завидев Фан Юньсюаня, те мгновенно умолкли и почтительно склонили головы.

Лань Чжуй слегка удивился: бросив взгляд на собравшихся, он насчитал не меньше сотни человек; одни были в черных одеждах и масках, другие — в пестрых одеяниях из странной ткани.

Внутри зала в два ровных ряда стояли люди. Увидев шагающего к ним Бэй Су, Лань Чжуй заметил, как тот держал в руке послание и протягивал его Фан Юньсюаню.

— Несколько дней назад, когда подчиненные разыскивали следы Левого стража, их заблокировали в лесу ученики Нищенствующей Секты. Драку они затевать не стали, а передали лишь это письмо. Сначала я не хотел обращать внимания, но вскоре пошли слухи, что Левый страж находится у них.

Взглянув на послание, скрепленное печатями нескольких крупных сектак, Фан Юньсюань холодно усмехнулся:

— Хм, собрание героев на горе Циюнь через три дня? Выходит, это вызов на бой.

Сердце Лань Чжуй тревожно ёкнуло. Выхватив свиток из его рук, он перечитал его вдоль и поперек и с мрачным видом произнес:

— Неужели... обязательно доходить до такого?

— Праведный и неправедный пути давным-давно стали как вода и огонь, этот исход был предопределен с самого начала. — Фан Юньсюань слабо улыбнулся, окинул взглядом собравшихся в зале и громко произнес: — Эта битва — расплата между Культom Линьинь и боевым миром Чжунъюаня, я не хочу впутывать в нее невиновных. Если кто-то из присутствующих не желает участвовать в грядущем сражении, можете уйти прямо сейчас — я не стану держать зла.

С этими словами все присутствующие в зале разом опустились на одно колено:

— Мы готовы отдать жизни за главу культа!

— Хорошо! — Фан Юньсюань с довольным видом кивнул. — Через три дня на вершине горы Циюнь мы сведем с ними все счёты!

Многовековая вражда между двумя сторонами пустила глубокие корни, но подходящей возможности покончить с ней все не было. Это запоздалое послание с вызовом на бой, без сомнения, всколыхнуло жаждущую мести кровь в жилах каждого. О собственной жизни и смерти уже никто не думал — перед глазами стояла лишь ненависть, передававшаяся из поколения в поколение.

— Глава, ваше здоровье... — Бэй Су наклонился к самому уху Фан Юньсюаня.

Юньсюань покачал головой и ничего не ответил. Времени у него оставалось совсем мало, а в

фарфоровой бутылочке с лекарством осталась всего одна пилюля. Он помнил, как шаолиньский монах говорил, что яд проник во все его пять внутренних органов и жить ему осталось лишь месяц. Сколько он еще протянет, когда закончится и эта таблетка?

— Если больше ни у кого нет вопросов, все свободны, готовьтесь.

— Глава! — к нему шагнул человек в черном, с сомнением глядя на Лань Чжуня. Поколебавшись мгновение, он все же спросил: — Лань Чжунь издавна противостоит Культа Линьинь. Как мы можем доверять ему в столь ответственный момент?

Нем S*Wло кто в цзянху не знал Лань Чжуня — борца за справедливость, не терпевшего зла. Нахождение этого великого героя посреди Культа Линьинь выглядело крайне неловко.

Заметив, что тот все это время опустив голову о чем-то размышляет, Фан Юньсюань подошел, мягко коснулся его руки, обернулся к изумленным подчиненным и с ласковой улыбкой произнес:

— Можете не сомневаться: даже если все отвернутся от меня, он — тот единственный, кто никогда меня не предаст.

Сердце Лань Чжуня дрогнуло. Он перевернул руку и крепко сжал его ладонь в своей, после чего под ошеломленными взглядами окружающих позволил увести себя обратно в спальню.

Усадив его на стул, Фан Юньсюань налил чашку чая и протянул ему.

— Через три дня... ты не ходи туда.

<http://bllate.org/book/21134/2144002>